

Несколько дней назад, когда у Сун Цзиньчэня появилось свободное время, он подстриг ногти на ногах Чу Юя после ванны. Его ноги были белоснежными, пухлыми и нежными, пальцы ног круглыми, как жемчужины, а ногти блестели, словно гранатовые бериллы. Это была та самая плоть, которую хотелось держать в руках и никогда не выпускать.

Думая об этом, Сун Цзиньчэнь не удержался и опустил руку, сжимая и разжимая чулок, издавая характерный звук.

Чу Юй толкнул его руку коленом:

— Не дёргай, больно.

— Больно? — Сун Цзиньчэнь с умыслом надавил сильнее, сжимая мягкую плоть и наслаждаясь тем, как Чу Юй болезненно и приятно вздыхает — он уже давно перестал бояться боли.

Игры с Чу Юем перед тем, как перейти к делу, всегда уносили Сун Цзиньчэня в мир грёз, где он вспоминал красоты, которые видел, женщин, с которыми спал, ту развратную и безумную жизнь, удовольствие и тела, жидкости и деньги. Другими словами, время между поцелуем с Чу Юем и оргазмом казалось существующим вне этого мира.

Чу Юй вздрогнул, его веки сомкнулись, и он, дрожа, прошептал:

— Сначала было больно, а теперь приятно.

Сун Цзиньчэнь смотрел на него, не отрывая взгляда от его ослепительных глаз. Эти глаза были настолько сильными, что он даже немного боялся Чу Юя, но не мог заставить себя отвести взгляд, поэтому продолжал целовать его, рассыпая поцелуи, как дождь.

Чу Юй засмеялся, уворачиваясь и прижимая колени к плечам, а ноги беспорядочно дрыгались.

— Ты что, кролик? Так любишь пинаться?

— Я лошадь, — Чу Юй ударил ногой по набухшему паху мужчины, улыбаясь с ямочкой на щеке.

— И пну тебя, такого плохого.

— Если я плохой, то ты не пожалеешь об этом, — сказал Сун Цзиньчэнь, собираясь приблизиться, но был остановлен босой ногой, упёршейся в его плечо и оттолкнувшей его.

— Не двигайся, — нога в белом чулке играючи нажимала на плечо, а бантик на щиколотке порхал при каждом движении. Прямая нога вела взгляд Сун Цзиньчэня от лодыжки к промежности, где под белой пышной юбкой, казалось, скрывалась крупная, блестящая роза, мерцающая розовым цветом.

Сун Цзиньчэнь сглотнул, его взгляд стал ещё темнее.

Чу Юй, казалось, ничего не замечал, скользя ногой по тонкой шёлковой ткани, массируя мошонку. Он нажимал пальцами ног, а затем оттягивал их, как будто играя с кошкой. Мошонка была мягкой и тёплой, и Чу Юй почти подсел на это ощущение, невольно выдав свои мысли:

— Какая мягкая.

— Что ты сказал? — Сун Цзиньчэнь наклонился, но снова был оттолкнут.

— Я сказал, не двигайся, — Чу Юй поднял своё круглое детское лицо. Он, кажется, немного подрос, с острыми бёдрами и грудью, ареолы которых потемнели от частого сосания. Такое юное лицо, но уже зрелое тело.

Чу Юй расстегнул пуговицу на юбке, снял её и бросил на диван. Перевернувшись, он почувствовал, как подвязка врежется в его полные ягодицы, что было не очень удобно. Он потянул за неё, но не смог расстегнуть.

Сун Цзиньчэнь засмеялся, наклонившись:

— Помогу.

— Не надо, не нужна твоя помощь, — Чу Юй снова оттолкнул его и бросил нераспечатанный презерватив, командующим тоном сказав:

— Садись, сам надень.

Маленький пакетик ударил мужчину в грудь, оставив красный след от угла. Чу Юй почувствовал, как сердце упало, и он немного испугался, что Сун Цзиньчэнь разозлится. Тот прищурился, посмотрел на него и, опустив голову, надел презерватив.

Его брови были красивыми, а кости лица — твёрдыми, и в этот момент он выглядел как опасный хищник.

Чу Юй сглотнул, чувствуя, как между ног стало ещё влажнее.

Нога в чулке скользила, смазанная лубрикантом, сквозь который просвечивала нежная кожа. Чу Юй лежал, как тряпка, ногой массируя эрегированный пенис мужчины, а пальцами лаская себя.

Он был так смел, потому что не знал, насколько развратно он выглядел.

Пальцы крутились вокруг клитора, доводя его до ярко-красного цвета, затем спускались вниз, раздвигая губы и имитируя половой акт. Диванная подушка уже была мокрой, смесь талька и смазки образовала белую пасту, как будто его облили спермой. Чу Юй стонал соблазнительно и настойчиво, называя Сун Цзиньчэня папочкой, мужем и братом, и был настолько развратным, насколько это возможно.

Сун Цзиньчэнь считал, что его кокетство было неумелым, но оно действительно работало — неумелое соблазнение, неумелая месть наполняли его разум похотью. Он хотел трахнуть его так, чтобы тот плакал и умолял, заковать его в золотые кандалы и оставить только для того, чтобы он мог просить проникновения.

— Детка, хватит играть, — Сун Цзиньчэнь, с набухшими венами на висках, всё ещё улыбался.

— А что я играю? — Чу Юй хихикал, ногой скользя по пенису, а другой ногой толкая лицо мужчины. — Какой фильм интересный, посмотри.

Сун Цзиньчэнь слегка укусил его палец на ноге, серьёзно глядя на него:

— Ничто не сравнится с тобой.

Чу Юй покраснел, отдернул ногу, отвернулся:

— Ты льстец, я не... Что ты делаешь! — Не успел он договорить, как его схватили за обе ноги и резко потянули к себе. Горячий и твёрдый пенис вошёл в него, головка ударилась о шейку матки, причиняя боль и удовольствие одновременно. Сун Цзиньчэнь не дал ему ни слова сказать, быстро двигаясь, и вскоре Чу Юй стал мягким, как вода, плача и прося его быть нежнее и медленнее.

— Больно? — Сун Цзиньчэнь замедлил темп, подняв его лицо.

Чу Юй, с дрожью в голосе, жалобно кивнул.

— Я виноват, я причинил тебе боль, прости, не плачь, хорошо?

— Ты что, глубиной хвастаешься? — Чу Юй, с покрасневшим носом, мягко жаловался:

— Сволочь, смотри, не порви презерватив, а то родишь десять или восемь детей, и они разделят твой дом и машину, оставив тебя на улице.

Сун Цзиньчэнь не смог сдержать смеха, целуя его и медленно двигаясь, наполняя его теплом и пенисом, ладонью нажимая на живот, словно чувствуя, как он наполняется внутри.

— Десять или восемь, всё равно, если ты действительно захочешь родить, я сделаю тебя госпожой Сун.

В сентябре Чу Хуань поступил в новую школу.

Все каникулы он занимался математикой с одним старшеклассником. У того были слабые знания, и Чу Хуань легко справлялся с его обучением, а пока тот решал задачи, он сам изучал учебники за второй курс.

Этот парень был на год старше Чу Хуаня, звали его Лю Го, и он был одноклассником Тан Цюгэ. Математика ему не давалась, он предпочитал гуманитарные науки, и на уроках математики он тихо рисовал или писал, поэтому никто не замечал, что он вообще не слушал. Благодаря этой привычке, его конспекты были аккуратными и полными, что было на руку Чу Хуаню.

Каждые два дня Чу Юй отводил Чу Хуаня на ближайшую автобусную остановку, и тот ехал в центр города, до района дешёвого жилья, где его встречал Тан Цюгэ, и они вместе шли к Лю Го.

Чу Хуань занимался с Лю Го математикой, а с Тан Цюгэ разбирал физику. Пока они решали задачи, он сам просматривал учебники и делал конспекты.

Хотя у него был талант к учёбе, он не был гением с фотографической памятью. Это место в школе Чу Юй с трудом для него выбил, и он не мог подвести брата.

Каждый вечер, провожая Чу Хуаня на автобус, Тан Цюгэ говорил:

— Я хочу, чтобы завтра уже был экзамен.

— Почему? — спрашивал он.

— Ну... — Чу Хуань пожимал плечами, не желая объяснять. — Просто хочу, хочу поскорее поступить в университет.

— А куда ты хочешь поступить?

Чу Хуань смотрел на голубое небо и белые облака, качаясь и думая.

— Не знаю, но, наверное, далеко, очень далеко.

Тан Цюгэ подумал и сказал:

— А что будет с твоим братом, если ты уедешь так далеко?

— Что с ним будет?

— Не знаю, как сказать, — Тан Цюгэ почесал затылок. — Но у него же должна быть девушка? Он ведь женится? У нас в деревне парни в его возрасте уже с двумя детьми ходят.

<http://bllate.org/book/15448/1370476>